

Курбатов Олег Анатольевич

СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАДИВОСТОКСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЕПАРХИИ

В статье рассматривается начало миссионерской работы представителей Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке Российской империи, содержится материал, раскрывающий особенности миссионерской деятельности среди местного населения, а также трудности, с которыми пришлось столкнуться миссионерам, говорится о том, что успехи церковной жизни на Дальнем Востоке напрямую зависели от правительственных взглядов на будущее этого региона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 111-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

SPACE AND TIME FOUNDATIONS FOR MUSICAL ARTISTIC IMAGE

Kul'bizhekov Viktor Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy
Krasnoyarsk City
oolam@yandex.ru

The article examines the esthetic assimilation of space and time in music, it is emphasized that their unity leads to the awareness of the existence of certain mechanisms of thinking contributing to the adequate realization of different emotions and feelings, to the understanding of form-building moments in music as an instrument in the creation of musical image possessing logic out of verbal interpretation.

Key words and phrases: space; time; artistic image; logic; esthetics; sensuality and contemplation; mental experiment.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается начало миссионерской работы представителей Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке Российской империи, содержится материал, раскрывающий особенности миссионерской деятельности среди местного населения, а также трудности, с которыми пришлось столкнуться миссионерам, говорится о том, что успехи церковной жизни на Дальнем Востоке напрямую зависели от правительственных взглядов на будущее этого региона.

Ключевые слова и фразы: христианство; миссионерство; Церковь; деятельность; культура; религиозность; распространение; духовность.

Курбатов Олег Анатольевич, к.и.н.

Санкт-Петербургская военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
kurbatvolog@rambler.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАДИВОСТОКСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЕПАРХИИ[®]

В 1894 году Приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской возбудил вопрос об учреждении в городе Владивостоке самостоятельной архиерейской кафедры. Главным основанием для этого послужило проведение Сибирского железнодорожного пути. Важнейшим участком Сибирской магистрали стала получившая международное значение Уссурийская железная дорога с конечным пунктом во Владивостоке. Владивосток являлся окраинным городом Российской империи на берегу Тихого океана, стоял на виду у азиатских держав: Японии, Кореи и Китая. Поэтому в стратегическом и торговом отношении он оказался важным портом-крепостью. Перед русским правительством возникла необходимость возвысить город и в церковно-религиозном отношении, чтобы «он и по внешнему, и по внутреннему своему церковному устройству служил поистине светочем православия на Дальней Восточной окраине России» [6, с. 62].

По решению Государственного Совета, одобренному императором, 4 июня 1898 года была образована Владивостокская епархия. В гражданско-административном смысле она полностью относилась к Приморской области, входившей в состав Приамурского генерал-губернаторства. Из десяти округов (с 1902 года – уездов), на которые делилась Приморская область, в состав Владивостокской епархии целиком вошли (за исключением части Удской округи) шесть округов: 1) Южно-Уссурийский, с административным центром в городе Никольск-Уссурийск; 2) Удский, с административным управлением в городе Николаевск (хотя сам Николаевск принадлежал Благовещенской епархии); 3) Гижигинский, с управлением в местечке Гижига; 4) Петропавловский, с административным управлением в городе Петропавловск; 5) Анадырский, с управлением в селе Марково; 6) округ Командорские острова, с управлением в селе Никольское на острове Беринга. Остров Сахалин составлял особое военное губернаторство, подчиненное Приамурскому генерал-губернатору [Там же, с. 115].

Вскоре после образования Владивостокской епархии к ней примкнуло всё православное население оккупированной царским правительством Квантунской области и Маньчжурии, не имевшее до 1901 года своего церковного руководителя и потому обращавшееся со всеми своими религиозными нуждами к ближайшему Владивостокскому епископу. Лишь в 1902 году ввиду возрастания и увеличения паствы по линии Китайско-Восточной железной дороги Священный Синод поручил заведование церквями и паствой начальнику Пекинской духовной миссии епископу Иннокентию (Фигуровскому) [Там же, с. 158].

Географическое положение Владивостокской епархии почти совпадало с географическим положением Приморской области, которая занимала восточную прибрежную полосу Сибири и омывалась Японским и Охотским морями, а также Беринговым и Татарским проливами и с севера прилегала к Ледовитому океану. По западной границе епархия примыкала к Маньчжурии, Амурской и Якутской областям, по южной – к Корее. В конце XIX века пространство Владивостокской епархии насчитывало 1 290 821 квадратную версту [Там же, с. 115-116]. По состоянию на 1899 год население епархии составляли представители многих

национальностей: русские, корейцы, китайцы, японцы «и прочие иностранцы». Разумеется, большая часть православных были русские – 95 625 человек [11, с. 117]; всего же православных было 133 510 человек [12, с. 119]. Всё население острова Сахалин к 1 января 1899 года насчитывало 33 426 человек, из них ссыльнокаторжных – 22 778. Численность православных из ссыльных (на то же время) – 16 814 человек. В 1901 году это число возросло до 17 333 человек [Там же, с. 120].

В территориально-этнографическом отношении в составе Владивостокской епархии находились: 1) малозаселенная северо-восточная часть (Камчатский полуостров с прилегающими к нему Анадырским, Гижигинским, Удским уездами и Командорскими островами, где большую часть населения составляли коренные жители); 2) остров Сахалин, преимущественно заселенный ссыльным населением; 3) Южно-Уссурийский край, на юге заселенный корейцами, а на северо-востоке – русскими переселенцами (казаками и крестьянами-малороссами из южных губерний Европейской России [Там же, с. 130]).

Исключительную роль в деле первоначального обустройства Владивостокской епархии сыграл епископ Евсевий (Никольский), прекрасно знавший край и понимавший задачи, стоящие перед Православной Церковью на Дальнем Востоке.

Служение владыки Евсевия совпало по времени с постройкой на Дальнем Востоке железных дорог, с русско-японской войной, то есть с тем временем, когда имперский Дальний Восток усиленно заселялся русскими колонистами. Ко времени своего образования новая епархия насчитывала 69 храмов [Там же, с. 178-179]. Первоначально священников не хватало, и некоторые приходы пустовали. В таких условиях Евсевию предстояло решать проблему укрепления церковной жизни на Дальнем Востоке, налаживать ее нормальное течение среди местного православного населения. Иными словами, архиерей должен был помочь светской власти обосноваться в новом регионе «всерьез и надолго», что невозможно было осуществить без учета «религиозной составляющей», т.е. без оформления на Дальнем Востоке «традиционной» (православной) жизни. В вопросах обустройства такой жизни интересы духовных и светских властей, естественно, совпадали, и Церковь могла пользоваться государственным покровительством при разрешении практически любых своих вопросов. Все выгоды сложившейся ситуации прекрасно понимал епископ Евсевий, о котором стоит рассказать подробнее.

Будущий митрополит (в миру Евгений Иванович Никольский) родился в 1861 году в семье священника Тульской епархии. Окончил духовную семинарию, а затем, в 1885 году, – Московскую духовную академию. С 1888 года Е. И. Никольский – помощник смотрителя Могилевского духовного училища, а спустя 5 лет он решил связать свою жизнь с монашеским служением. Так, 3 августа 1893 года он был пострижен в монашество с именем Евсевий, а через три дня – рукоположен в сан иеромонаха. С 11 сентября 1893 года он – член Петербургского Духовно-цензурного Комитета в сане архимандрита. С 18 октября 1893 года – ректор Иркутской духовной семинарии. Три года спустя (26 января 1897 года) в Вознесенском монастыре Иркутска Евсевию был присвоен сан епископа Киренского, викария Иркутской епархии. Дальнейшая его жизнь на долгие годы оказалась связана с Сибирью. В Иркутске Евсевий состоял председателем Епархиального училищного совета и редактором «Иркутских епархиальных ведомостей», а 4 октября 1897 года он был назначен епископом Камчатским. Через два года (в 1899 году) Евсевий стал епископом Владивостокским и Приморским [4, с. 135] и вынужден был решать не только церковные, но и социальные вопросы своей разнородной и территориально разбросанной паствы. Евсевий прекрасно понимал роль просвещения в деле налаживания нормальной религиозной жизни и потому всячески содействовал организации церковных школ: 13 июня 1901 года «за содействие церковному и школьному строительству в Сибири» он был «Высочайше» награжден нагрудным знаком. В следующем году ко дню рождения Николая II (6 мая) Евсевий получил другую свою награду – орден Святой Анны 1-й степени. Уже после начала русско-японской войны, 2 марта 1904 года, по предложению военного губернатора владыку приняли членом областного комитета для сбора пожертвований на усиление военного флота в России [7, д. 363, л. 51].

Евсевий начинал свое служение буквально на пустом месте: по приезде во Владивосток для него не нашлось даже помещения, и владыка поначалу жил в губернаторском доме, а консисторию временно разместил у себя настоятель – кафедральный протоиерей. Однако уже через год трудами Евсевия работа консистории была полностью налажена, открыты Попечительство о бедных духовного звания, Епархиальный училищный совет и Епархиальный комитет Православного миссионерского общества [1, с. 50]. Во время епископского служения Евсевия во Владивостокской епархии были открыты более 100 приходских школ, многочисленные катехизаторские школы и курсы, где учили не только Закону Божию, но и преподавали уроки рационального ведения хозяйства. За 20 лет пребывания на кафедре владыка инициировал постройку свыше 170 храмов и освятил их. Много им было сделано и при устройстве монастырей – Уссурийского Николаевского Свято-Троицкого мужского и Южно-Уссурийского Рождество-Богородицкого женского монастыря и Одигитрие-Смоленской женской общины во Владивостоке [3, с. 181-185].

Ко времени начала русско-японской войны насчитывалось двенадцать миссионерских станов, находившихся в пределах Владивостокской епархии, – Корсаковский, Пуциловский, Синельниковский, Янчихэнский, Тизинхэнский, Адиминский, Заречинский, Манчугайский, Посыетский, Удский, Анадырский и в Гижигинском уезде – Корякская походная миссия. В состав первых девяти станов к 1903 году входили исключительно корейцы. Расположены эти миссионерские станы были в Южно-Уссурийском крае на границах с Кореей и Маньчжурией. Число миссионеров, специально занимавшихся христианизацией тех мест, составляло всего 12 человек (3 иеромонаха и 9 священников [5, с. 212]). Православного корейского населения (оседлого, принявшего русское подданство) в девяти станах к 1903 году насчитывалось 8 664 человека, из них «язычников» – 6 360 человек. Количество принявших православие («просвещенных» – по миссионерской терминологии) составило 318 человек [10, с. 217]. Много это или мало? Однозначного ответа на этот вопрос, очевидно,

не существует. С учетом того, что активная деятельность миссионеров Владивостокской епархии началась лишь с 1899 года, думается, что появление к 1903 году 318 православных говорит о динамике православной пропаганды. Посильную помощь в миссионерском деле оказывало епархиальное Российское православное миссионерское общество. Так, в 1899 году Общество израсходовало на Сибирские миссии 147 503 рубля, на Европейские – 111 726 рублей и на Японскую – 24 748 рублей (всего – 283 977 рублей). За тридцать лет существования миссионерского дела в России на его поддержание и развитие Обществом было израсходовано 4 094 357 рублей; собрано же за этот период всего 6 148 452 рубля. В течение 1874-1904 годов русские православные миссионеры обратили в христианство 124 204 человека [9, с. 25]. И хотя на дальневосточный регион приходился лишь небольшой процент обращенных, стоит подчеркнуть, что русские власти (и светские, и церковные) понимали значение миссионерской работы в этих местах и потому выделяли суммы, необходимые на поддержание активной деятельности миссии и на развитие школьного процесса.

Из 30 имевшихся на тот момент на русском Дальнем Востоке миссионерских школ 15 были церковно-приходскими (в них обучались 583 мальчика и 123 девочки), а 15 – школами грамоты (в них обучались 350 мальчиков и 26 девочек). Кроме названных учебных заведений имелись два училища Министерства народного просвещения (одно двухклассное – в селе Нижнее Янчихэ – с 92 обучающимися мальчиками; другое одноклассное – в селе Красном – с 40 мальчиками и 6 девочками [5, с. 235]). Однако духовных училищ (и мужских, и женских) в епархии тогда не существовало, что воспринималось местными православными клириками как самое печальное явление в жизни духовенства [2, с. 402]. Ведь отсутствие училищ не позволяло готовить самостоятельные кадры и, следовательно, ставило епархию в кадровую зависимость от центральной России, что в условиях падения «престижа» духовного образования и недостатка священников создавало трудноразрешимые проблемы «окормления» паствы отдаленных районов.

Кроме того, из-за огромных расстояний и отсутствия дорог даже епархиальный архиерей не всегда мог посетить эти отдаленные районы. «За время своего управления Владивостокской епархией, – вспоминал уже в 1912 году епископ Евсевий, – я мог посетить Камчатку только два раза: в прошлом году и в 1899-м. В прошлом году я посетил только Петропавловск, но и это мне стоило больших трудов и хлопот и потери около месяца времени. В 1899 г. я, кроме Петропавловска, посетил Командорские острова – Беринг и Медный и по Охотскому побережью селения Тигиль, Гижигу, Олу (Якутской епархии), Охотск. <...> Жизнь в ней (Приморской области – О. К.) только слагается; тут нельзя действовать по шаблону, нередко требуется в некотором роде творчество и во всяком случае постоянное и непосредственное руководство правящего епископа. На каждого священника области приходится в общем по 1 500 человек, хотя большинство камчатских приходов разбросаны на многие сотни верст. Прихожане, живущие за 500 верст и более от своего священника, не видят его у себя по несколько лет и сами не имеют возможности посещать свой приходской храм» [8, с. 7-15]. Как мог, Евсевий стремился духовно наставлять вверенную ему паству и наблюдать за течением религиозной жизни на огромных территориях порученной его заботам епархии. Священный Синод и правительство из его отчетов могли уяснить «пределы возможного» в деле религиозно-нравственного «окормления» дальневосточного региона и разобраться, насколько эффективна была проводившаяся православными клириками миссионерская работа.

Таким образом, успехи церковной жизни на Дальнем Востоке напрямую зависели от правительственных взглядов на будущее этого региона. Чем большие инвестиции шли на Дальний Восток, чем активнее развивалась инфраструктура края, тем большие возможности появлялись и у Владивостокского епископа.

Список литературы

1. **Вениамин (Пушкар), еп., Прозорова Г. В.** О первом правящем архиерее Владивостокско-Камчатской епархии // Христианство на Дальнем Востоке: материалы международной научной конференции (19-21 апреля 2000 г.). Владивосток, 2000. С. 50-57.
2. **Владивостокские епархиальные ведомости.** 1904. № 18. С. 402-421.
3. **Евсевий (Никольский), еп. Уссурийский.** Свято-Троицкий монастырь и русская армия // Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. № 8. С. 181-185.
4. **Мануил (Лемешевский), митрополит.** Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. Куйбышев, 1966. Ч. 3. 246 с.
5. **Отчет Владивостокского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1903 год** // Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 212-235.
6. **Разумовский А.** Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899-1903) // Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. № 3. С. 62-158.
7. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 796. Оп. 439.
8. **Скворцов В. М.** Камчатская область и духовные нужды ее населения: доклад высокопреосвященного Евсевия, архиепископа Владивостокского и Камчатского общему собранию С.-Петербургского Камчатского отдела Православного Братства во имя нерукотворного Образа Всемилостивого Спаса. СПб., 1913. С. 7-15.
9. **Смирнов Е. К., прот.** Очерк исторического развития и современного состояния русской православной миссии. СПб., 1904. 76 с.
10. **Таблица из отчета Владивостокского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1903 год** // Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 217-218.
11. **Таблица населения епархии за 1899 год по народностям** // Владивостокские епархиальные ведомости. 1900. № 2. С. 117-118.
12. **Таблица распределения населения по вероисповеданиям за 1899 год** // Владивостокские епархиальные ведомости. 1900. № 2. С. 119-179.

FORMATION OF VLADIVOSTOK ORTHODOX EPARCHY

Kurbatov Oleg Anatol'evich, Ph. D. in History
Mozhaisky Military Space Academy in Saint-Petersburg
kurbatvolog@rambler.ru

The article examines the beginning of the missionary work of the representatives of the Russian Orthodox Church in the Far East of the Russian Empire, contains the material revealing the peculiarities of the missionary activity among the local population, and also hardships, with which the missionaries had to confront, it states that the success of church life in the Far East depended directly on the governmental views on the future of the region.

Key words and phrases: Christianity; missionary work; Church; activity; culture; religiosity; spreading; spirituality.

УДК 130.2; 81:1

Философские науки

В данной работе обосновывается идея о том, что мода представляет собой систему художественных феноменов, характеризующихся особой значимостью, новизной и оригинальностью идей среди совокупности социокультурных объектов, представленных в определенный период истории культуры. В статье ставится задача проанализировать моду в качестве социокультурного феномена, использующего особый искусственный язык знаков (символов). Показано, что язык моды может быть рассмотрен как системный объект, служащий для передачи особой эстетической информации.

Ключевые слова и фразы: мода; дизайн; язык моды; искусство; язык.

Лазутина Татьяна Владимировна, д. филос. н., доцент
Лазутин Николай Константинович
Тюменский государственный нефтегазовый университет
LazutinaTV@yandex.ru; Kpw72@yandex.ru

МОДА И ЕЕ ЯЗЫК КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН®

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме философии дизайна, в рамках которой исследуется феномен моды. В наши дни происходит увеличение интереса к моде и ее языку в связи с развитием нового направления философии искусства – философии дизайна, в понимании которого мода рассматривается как социокультурный феномен, где сочетаются принципы каноничности и новации. Обращение к культурным традициям и выявление специфики современного языка моды своевременно, так как позволяет разобраться в вопросе генезиса философии искусства и выявить особенности формирующегося представления о моде.

Центральной проблемой исследования является рассмотрение моды как социокультурного феномена, что позволяет сформировать представление о сложившейся концепции человека в эстетической картине мира, лежащей в основе художественного мышления различных исторических времен (от Древнего мира вплоть до современности). Данная проблематика раскрывается посредством использования диалектического метода исследования, обнаруживающего единство и разнообразие свойств феномена моды, системного подхода и семиотического анализа, позволяющих изучить использование языка моды как социокультурного системного образования.

Слово «мода» (от лат. *modus* – «мера», «образ», «способ», «правило», «предписание») имеет несколько значений. В широком смысле слова под модой понимают «существующее в определенный период и общепризнанное на данном этапе отношение к внешним формам культуры» [2, с. 11]. Зарубежные исследователи моды (О. Кибалова, О. Гербенова, М. Ламарова) свидетельствуют о том, что обыденное употребление слова «мода» подразумевает «... постоянное и с позиций разума недостаточно объяснимое стремление к изменению всех форм проявленной культуры, обычно имеют в виду одежду» [Там же]. С. М. Михайлов дополняет данное понятие: «Мода – это непродолжительное единство и массовое распространение тех или иных внешних проявлений культуры – вкусов, поведения, стилистических признаков изделий, принятых критериев их эстетической оценки» [5, с. 77].

В узком значении слова под модой понимают «череду изменений в пропорциях и фасонах одежды, головных уборах, причёсках, аксессуарах, которые происходят за короткий отрезок времени» [1, с. 75].

В данной работе под модой подразумевается система художественных феноменов, характеризующихся особой значимостью, новизной и оригинальностью идей среди совокупности социокультурных объектов, представленных в определенный период истории культуры.

История культуры свидетельствует, что мода обладает особым языком, выражающим картину мира определенной эпохи, передающим систему ценностных ориентаций, эстетических вкусов, стилей, господствующих в конкретный исторический период. Мода являет собой особый способ отражения коллективного